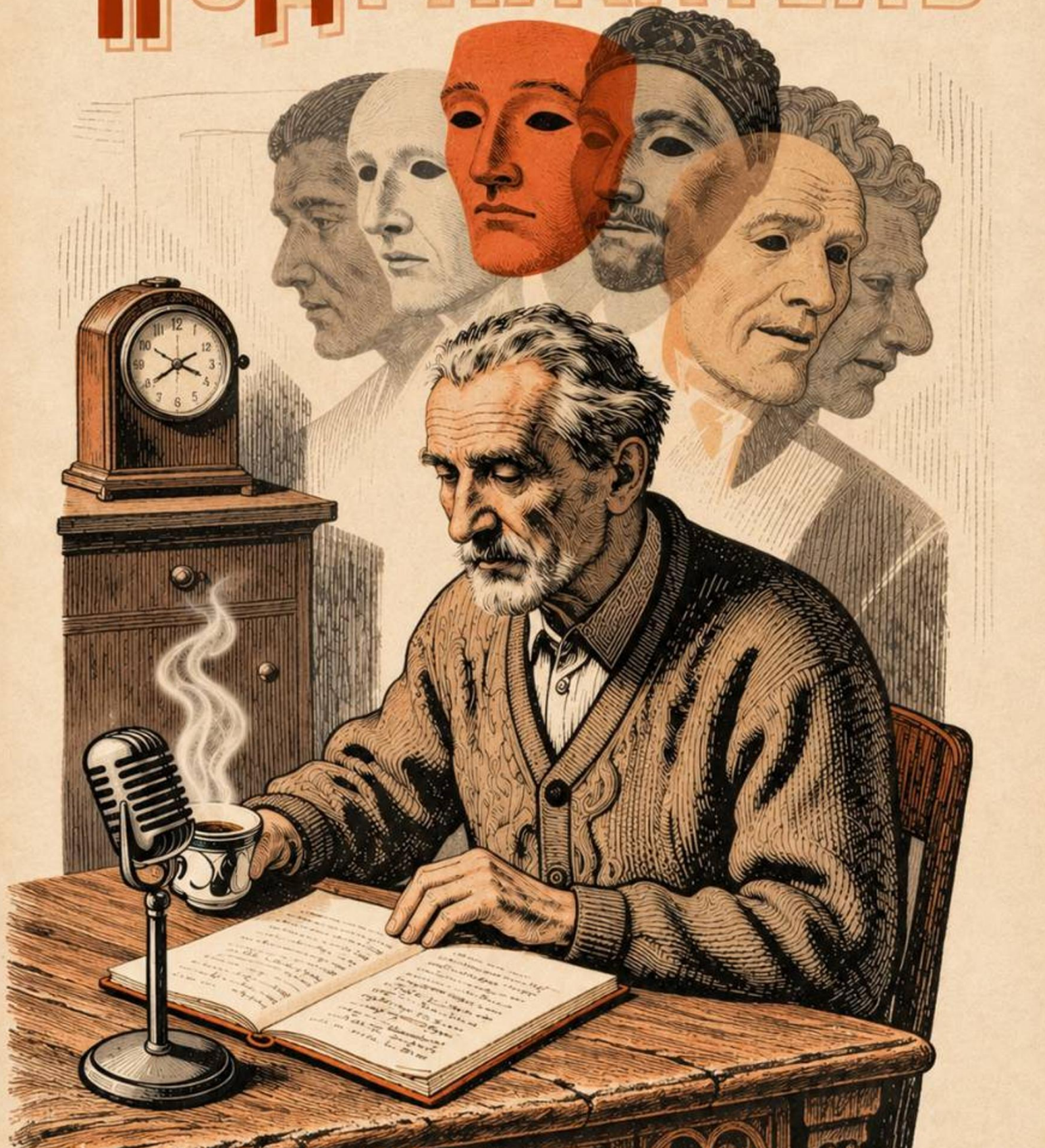
Олег Сабанов

Подражатель

Олег Сабанов

Подражатель

«Автор»
2026

Сабанов О. А.

Подражатель / О. А. Сабанов — «Автор», 2026

История о виртуозе перевоплощения, для которого чужие голоса заменили собственную жизнь. Опасная игра на грани правды и вымысла оборачивается жестокой расплатой — в бесконечном хоре чужих интонаций он навсегда утрачивает собственный голос.

© Сабанов О. А., 2026
© Автор, 2026

Олег Сабанов
Подражатель

Бывают натуры, для которых чужая тень оказывается куда уютнее собственного отражения в зеркале, и с годами Роберт Сергеевич все отчетливее сознавал свою принадлежность именно к этой странной породе людей. Всю свою долгую жизнь он потратил на то, чтобы растворяться в других, примеряя на себя чужие тембры, манеры, речевые огрехи и даже случайные вздохи, пока не превратился в некое подобие живого резонатора, способного воспроизвести любую услышанную мелодию, но давно позабывшего собственный оригинальный мотив. Впрочем, сокрушаться и пенять на судьбу было бы делом абсурдным, поскольку именно такая врожденная способность когда-то кормила Роба, дарила иллюзию причастности к высокому искусству и позволяла считать себя человеком особенным, штучным, не похожим на основную массу обитателей до зевоты благополучного века.

Стоял промозглый октябрьский вечер — один из тех неспешных, задумчивых вечеров, когда город за окном словно погружался в теплую дрему, а редкие прохожие на тротуарах казались тенями из давно забытого сна. За два десятилетия, минувших с той поры, которую в школьных курсах истории именовали началом эпохи великого цифрового перелома, люди, в сущности, нисколько не изменились: они все так же стремились к достатку, влюблялись, ссорились из-за пустяков, боялись старости и искали утешения в простых житейских радостях. Разве что сам мир вокруг стал стерильным, бесшумным и до неприличия удобным. Провода, кнопки, громоздкие экраны и бумажные носители ушли в прошлое так же тихо и естественно, как когда-то ушли конные экипажи и керосиновые лампы, оставив после себя лишь гладкие, едва заметные в интерьере сенсорные панели и вездесущий, невидимый глазу эфир, предугадывающий любое желание прежде, чем оно успевало оформиться в мысль.

Именно поэтому старая общая тетрадь в потертом картонном переплете, лежавшая перед ним на дубовом столе, выглядела в современной квартире настоящим ископаемым артефактом — чем-то вроде папирусного свитка или глиняной таблички. Даже его ровесники, давно перешагнувшие шестидесятилетний рубеж, предпочитали хранить свои мемуары и заметки в облачных капсулах памяти, но Роберт Сергеевич, или попросту Роби, как называли его немногие уцелевшие приятели юности, упорно держался за бумагу. Будучи человеком искусства, безнадежным оригиналом и, как он сам любил о себе думать, последним представителем славной «старой школы», оставшимся в относительной безвестности лишь по досадному стечению обстоятельств, Роберт Сергеевич испытывал пьянящее эстетическое наслаждение от самого процесса перелистывания шершавых, слегка пожелтевших страниц, пахнущих пылью и выцветшими чернилами.

В этой тетради хранилась его давняя, никому не известная слабость — поэтические стилизации. В молодости, когда работа в дубляже еще приносила живые деньги, а не жалкие крохи от ностальгирующих чудаков, Роб развлекал себя тем, что пытался подражать великим мастерам прошлого, улавливая не только размер и рифму, но и само дыхание ушедших эпох.

Он осторожно раскрыл тетрадь наугад, протер пальцами слегка затекшую шею и, глядя на черные силуэты голых деревьев за панорамным окном, принялся вполголоса читать написанное лет тридцать назад. Его голос сам собой, без малейшего усилия, потерял старческую сипловатость, налился чистым, проникающим тенором, в котором угадывалась легкая, почти французская картавинка и та естественная, лишенная всякой театральной напыщенности простота, о которых упоминали современники человека, жившего два с лишним века назад:

Дочитав последнюю строчку, Роберт Сергеевич еще несколько секунд сидел неподвижно, смакуя послезвучие чужого слога. Мягкий свет настольной лампы падал на пожелтевший лист,

навевая ту сладкую, слегка щемящую грусть, какая всегда приходит вместе с воспоминаниями о молодости. Глядя на убористые чернильные строки, он невольно вспомнил своего давнего приятеля и наставника — старого звукорежиссера Петра Ильича, или попросту Ильича, как звали его на студии все, от уборщицы до директора.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне мила ее прощальная краса,
Когда, устав шуметь, печально и смиренно
Склоняют ветви обнаженные леса.

Уж отпылал багрянец гордый и мятежный,
И ветер северный, вступая во права,
Листву срывает с веток в танце неизбежном,
И стынет под ногой пожухлая трава.

Но в этой тишине, в покое увяданья,
Есть тайна ясная и дивный благовест:
Природа замерла в предчувствии дыханья
Зимы, что скоро бросит белый свой покров окрест.

Люблю я этот час, когда уходит осень,
И в сердце тихий свет рождается в ответ —
Как будто бы в безмолвье, сквозь сумрачную просинь,
Душа встречает будущей весны рассвет.

Они познакомились на заре того самого цифрового перелома, когда старые бобинные магнитофоны и громоздкие микшерные пульты уже доживали свой век, уступая место бездушным компьютерным программам. Ильич был человеком невероятного обаяния и столь же невероятной безалаберности. Худой, сутулый, с вечно растрепанной седой шевелюрой и прокуренными до желтизны пальцами, он относился к звуку как к живому существу, способному дышать, капризничать и даже болеть.

— Запомни, Роби, — говаривал он, щурясь сквозь сизый табачный дым в тесной аппаратной. — Идеально чистый звук бывает только в морге. Живой человек всегда чуть-чуть скрипит, причмокивает, сбивается с дыхания. Вот за этот «брак» зритель и любит кино, потому что узнает в нем себя.

По вечерам, когда студия пустела, они часто засиживались вдвоем на продавленном дерматиновом диванчике. Ильич доставал из нижнего ящика стола припрятанную поллитровку, нарезал на газете неизменный копченый сыр, и начинались бесконечные споры об искусстве, поэзии и грядущем веке машин. Именно Ильич первым оценил тайное увлечение молодого актера. Узнав, что Роб пишет в общую тетрадь подражания великим поэтам, старик пришел в неописуемый восторг и заставлял его читать вслух перед микрофоном, записывая эти домашние спектакли на старую магнитную ленту.

— Береги эту тетрадку, Роби, — сказал он однажды, грустно глядя на новенький сенсорный монитор, который только что привезли в студию на замену старому пульту. — Скоро все вокруг станет гладким, как пластмассовое яблоко. Ни запаха, ни шероховатости. Только твои бумажки да наши старые пленки и напомнят, что мы тут когда-то жили по-настоящему.

Ильич оказался прав. Спустя пять лет студию закрыли за ненадобностью, а сам старик вскоре тихо ушел из жизни, не сумев приспособиться к новому, стерильному миру, где его чуткий слух оказался никому не нужен. В наследство от него Роберту Сергеевичу достались лишь этот самый дубовый стол, пара катушек с их старыми записями да привычка в любой непонятной ситуации заваривать крепкий травяной настой.

Роб вздохнул, осторожно погладил ладонью потертый картон тетради и уже хотел перевернуть страницу, как тихий, мелодичный перезвон входного контура нарушил уютную тишину квартиры.

Он недовольно поморщился. Гостей Роб не ждал, да и вообще в последние годы визитеры наведывались к нему крайне редко — разве что курьеры из продовольственной службы, но те оставляли пакеты в шлюзе, не беспокоя хозяина. К тому же в его профессии наступили времена окончательного заката: голосовые синтезаторы научились воспроизводить человеческую речь с такой пугающей точностью, что отличить машину от живого актера стало практически невозможно. Ему оставались лишь редкие заказы от рекламных агентств, желавших придать своим роликам «теплый винтажный брак» — ту самую естественную хрипотцу, сбивчивое дыхание и едва заметную дрожь связок, которые алгоритм все еще воспринимал как ошибку, а не как признак живой души.

Нехотя поднявшись из кресла и накинув на плечи старый вязаный кардиган, Роби, шаркая домашними туфлями, направился в прихожую, мысленно перебирая, кто бы мог пожаловать в столь неурочный час. Коснувшись ладонью сенсорного поля у двери, он отпер замок и увидел на пороге незнакомого мужчину лет сорока пяти.

На нем было строгое темное пальто из тонкой шерсти без единой лишней детали, выдающее человека состоятельного, привыкшего к порядку и знающего цену каждой минуте. Однако его бледное, осунувшееся лицо с глубокими тенями под глазами и нервно сжатыми губами никак не вязалось с безупречным обликом успешного господина. Взгляд визитера скользнул по заношенному кардигану хозяина, задержался на морщинистой шее, словно он оценивал состояние голосовых связок открывшего дверь человека, после чего прозвучал его негромкий, чуть севший голос:

— Добрый вечер. Вы ведь Роберт Сергеевич? Простите за вторжение без предварительного уведомления, но мне рекомендовали вас как единственного человека в городе, способного выполнить одну весьма деликатную работу.

Роберт Сергеевич с минуту молча изучал ночного визитера, словно прикидывая, не скрывается ли за строгим покроем шерстяного пальто и безупречными манерами очередной назойливый агент по продаже страховых полисов или сборщик пожертвований в фонд защиты вымирающих лесов. Впрочем, в глубоко запавших глазах незнакомца сквозила та особая, тяжелая усталость, которую невозможно сыграть даже самому талантливому актеру, а в уголке нервно сжатых губ притаилась горечь, знакомая всякому, кому доводилось терять близких.

— Что ж, проходите, коли пришли, — вздохнул хозяин, отступая вглубь полутемной прихожей и запахивая полы своего вытянутого вязаного кардигана. — Только предупреждаю сразу: озвучивать коммерческие ролики для сомнительных контор я завязал еще прошлой зимой. Горло уже не то, да и совесть, знаете ли, с годами становится капризной.

— Речь идет вовсе не о рекламе, — тихо ответил гость, аккуратно снимая в прихожей ботинки из матовой кожи. — Меня зовут Виктор. И то, о чем я хочу вас попросить, останется строго между нами.

Они прошли в просторную гостиную, где старый дубовый стол с раскрытой тетрадью мирно соседствовал с антикварным книжным шкафом, а из недр старинного, доставшегося Роби еще от деда серванта доносилось мерное, убаюкивающее тиканье механических часов. В эпоху, когда время отсчитывалось беззвучными проекциями на сетчатке или мягкой вибрацией нательного чипа, этот сухой, размеренный стук маятника казался почти вызывающим.

Виктор на мгновение задержал взгляд на открытой тетради, мельком скользнув глазами по убористым строчкам, выведенным перьевой ручкой, но из вежливости не стал задавать вопросов, лишь осторожно опустился на краешек предложенного ему кресла.

Роберт Сергеевич между тем подошел к кухонной нише и привычным жестом коснулся гладкой керамической панели стола. Спустя пару секунд из едва заметного углубления без единого всплеска и шипения поднялись две фарфоровые чашки с дымящимся травяным настоем — одно из немногих бытовых удобств нового времени, к которому старый актер относился без привычного ворчания, находя в мгновенном появлении горячего напитка своеобразную магию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.